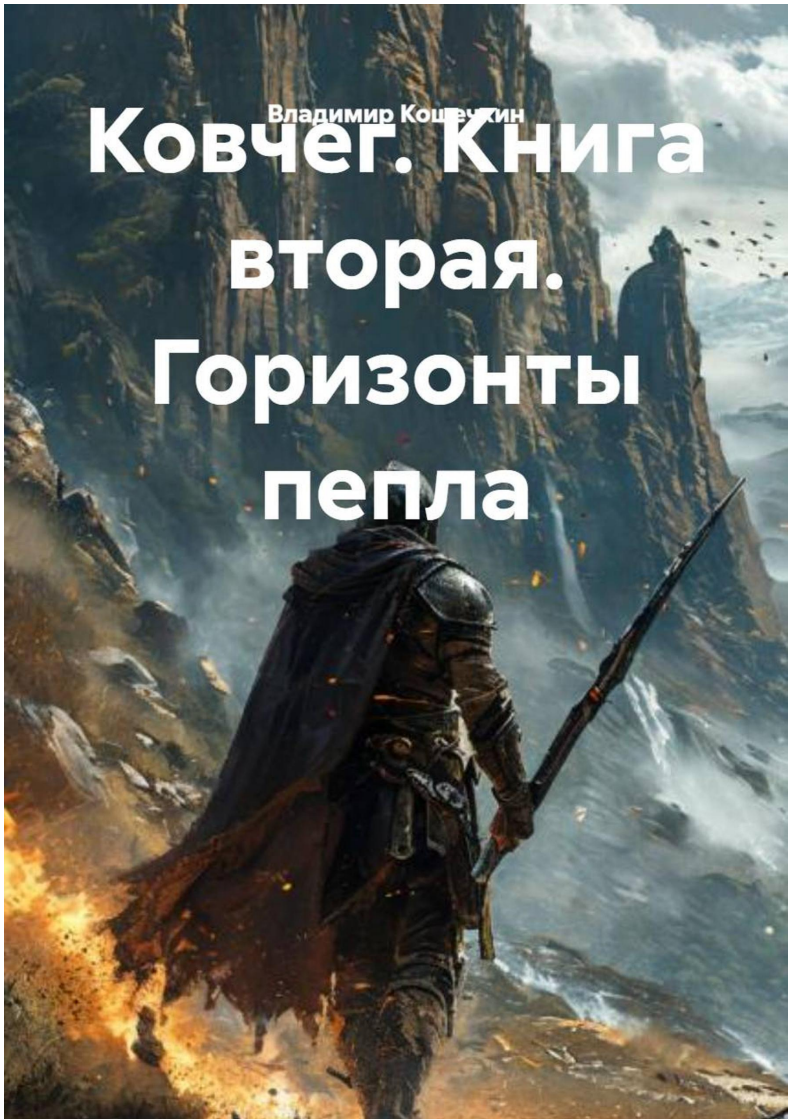

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга вторая. Горизонты пепла

Владимир Кошечкин
Ковчег. Книга вторая.
Горизонты пепла
Серия «Ковчег.», книга 2

*<https://litres.ru/73912984>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Герой пускаются в погоню за Тенью, они преодолевают сложные и опасные испытания, встречают людей которые готовы помочь им.

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга вторая.

Горизонты пепла

Пролог. Эхо тишины

«Мы думали, что победили тьму. Но тьма — это не то, что можно убить ножом или пулей. Это тень, которую отбрасывает свет надежды. И чем ярче свет, тем длиннее и чернее тени, бегущие за нами по пятам».

Лето умирало. Не так, как умирало всё в этом мире — с криком и болью, а тихо, по-осеннему, сбрасывая золотые одежды на сырую землю. Прошло три месяца с битвы за «Кедровый лог». Лагерь зализал самые страшные раны, но шрамы остались — и на теле частокола, и в душах людей.

Константин стоял на северной вышке — той самой, что чудом уцелела под шквальным огнём «Утёса». Он смотрел на лес, но мысли его были далеко. Вера, заметив его состояние ещё утром, тихо сказала Алисе: «Он опять смотрит на

север. Туда, откуда пришёл и куда ушёл Тень». Он не просто смотрел. Он решал.

Решение зрело в нём давно, как нарыв. Тень ушёл, чтобы вернуться. Это был не вопрос «если», а вопрос «когда и с кем». Оставлять всё как есть, ждать нового удара, который может оказаться втрое сильнее, было бы преступной беспечностью. «Седой» не имел права на такую роскошь.

С другой стороны был лес. За последние месяцы их охотничьи угодья оскудели. Дичь уходила на юг и запад, туда, где, по слухам, земля не была так отравлена пеплом. Лагерь рос, а ресурсы таяли. Даже сейчас, глядя на бескрайнее море елей, он думал не о красоте, а о том, что их дом, их крепость, медленно становится ловушкой.

Он вспомнил древние книги, которые читал ещё в прошлой, настоящей жизни. Города-государства, которые возникали не в самых плодородных долинах, а в самых защищённых — на скалах, в излучинах рек, на холмах. Им нужно было новое место. Не просто лагерь, а город. Место, где стены созданы самой природой.

Спустившись вниз, он увидел Алису. Она сидела на их любимом бревне и привычным движением правила свой нож. Её рыжие волосы были собраны в тугий хвост, а на скуле кра-

совался свежий шрам — память о той битве. Завидев его, она отложила клинок.

— Ты опять хмуришься, как грозовая туча. Решил?

Он подошёл и сел рядом, взял её руку в свою.

— Мы выступаем через три дня. На юг.

В её изумрудных глазах заплясали бесенята.

— Я знала, что ты это скажешь. Я уже собралась.

Он усмехнулся. Его Бестия всегда была на шаг впереди.

Глава 1. Тропа возмездия

«В этом мире нет безопасных дорог. Есть только те, по которым ты готов идти до конца».

Сборы были похожи на муравьиную суету, только каждый муравей здесь был вооружён до зубов. Константин лично отбирал каждого бойца. Отряд должен был быть маленьким, мобильным и смертоносным — не армия, а острёе клинка.

Первым в списке, разумеется, была Алиса. Она стояла у

ворот, проверяя крепления своего рюкзака, и что-то тихо напевала — старую, забытую мелодию из детства.

Рядом с ней стоял Кирилл. Парень, которого когда-то называли «новеньким» и в котором сомневались, превратился в настоящего бойца. Битва за лагерь закалила его. Из неуклюжего юнца он стал быстрым и хладнокровным воином. Он сам вызвался идти, и Константин не нашёл причин ему отказать.

— Я хочу увидеть, что там, за лесом, — сказал Кирилл, когда его спросили о причинах. — И хочу, чтобы моя сестра (он кивнул на Юлю) никогда больше не пряталась в погребе.

Четвёртым стал Мирон — угрюмый здоровяк из «Заречного», немногий из уцелевших после штурма. Он был молчалив, но его сила и умение обращаться с любым оружием, от топора до автомата, делали его ценным членом отряда. Он хотел одного — мести. Его жену убили бандиты Быка, когда «Чёрный пёс» проходил через их земли, стогняя пленных в живой щит.

Замыкал пятёрку Егор — следопыт и охотник из «Сосновой пади». Он знал лес как свои пять пальцев, умел читать следы и предсказывать погоду лучше любого барометра. Именно ему предстояло вести отряд по самым глухим тро-

пам.

Андрей оставался за старшего. Это решение далось Константину тяжело, но он знал: Волк справится. Андрей был его правой рукой, его тенью в бою, но сейчас лагерю нужен был именно он.

— Присмотри за ними, — сухо сказал Константин, пожимая ему руку у ворот. — За Верой, за Юлей... за всеми.

Андрей стиснул его ладонь в своей медвежьей хватке.

— Присмотрю, командир. А ты присмотри за собой. И за ней, — он кивнул на Алису. — Она у тебя одна.

Вера подошла проститься последней. Она молча обняла Константина, а затем вложила ему в руку маленький, туго набитый мешочек.

— Травы. От лихорадки, от боли, для остановки крови... Ты знаешь.

Он кивнул, чувствуя, как к горлу подступает ком. Вера была душой их общины, и оставлять её было тяжелее всего.

— Мы вернёмся, — пообещал он. — С этой пустошью на юге или без неё. Мы вернёмся.

— Я знаю, — тихо сказала она. — И я буду ждать. С го-

рячим отваром и чистой постелью.

Маленькая Юля, стоявшая за спиной Веры, вдруг бросилась к нему и повисла на шее.

— Ты обещал, что построишь дом с камином! — прошептала она сквозь слёзы. — Не забудь!

Константин погладил её по волосам.

— Я ничего не забыл, малышка. Я иду как раз за этим.

Они вышли на рассвете, когда туман ещё клубился в низинах, словно призрачная река. Пять фигур, растворившихся в лесной чаще, словно их и не было.

Первые дни пути были почти мирными. Лес вокруг «Кедрового лога» был исхожен вдоль и поперёк, и Егор вёл отряд по тайным тропам, избегая открытых мест. Они шли на юг, туда, где, по рассказам старика, скрывался Тень.

Но у отряда была и вторая, не менее важная цель: найти новую локацию для поселения. Константин всё чаще поглядывал на карту, где были отмечены примерные ориентиры. Скалы. Лес. Река. Место, куда не смогут добраться орды «потерянных» и откуда будет удобно обороняться. Он искал

не просто поляну, а дом для десятков, а в будущем — сотен людей.

На третью ночь, когда они устроили привал у небольшого ручья, Алиса подсела к нему.

— О чём думаешь, Седой? О Тени или о новом доме?

— Обо всём понемногу, — он смотрел в огонь. — Что, если эти скалы — всего лишь миф? Что, если там, на юге, вообще нет ничего, кроме пепла и «потерянных»?

Алиса ткнула его кулачком в плечо:

— Ты стал слишком мнительным. Мы найдём и Тень, и скалы. А если нет... — она на мгновение задумалась, и её взгляд стал мечтательным. — ...тогда мы просто пойдём к морю. Ты обещал.

Он повернулся к ней и улыбнулся своей редкой, тёплой улыбкой:

— Обещал. Значит, найдём и море, и скалы, и Тень. Всё вместе.

Этой же ночью Егор, который ушёл проверять силки на кроликов, вернулся с необычной новостью. В его руках был не кролик, а странное растение. Его листья были ярко-фиолетовыми, а на стебле алели капли, похожие на кровь.

— Никогда такого не видел, — пробормотал следопыт, осторожно вертя находку. — Растёт у воды. И пахнет... железом.

Кирилл хотел было понюхать, но Алиса резко остановила его:

— Не трогай! — она пригнулась издалека и нахмурилась. — Это не просто растение. Это мутация. Я слышала о таком... Говорят, оно приманивает зверей своим запахом. Или добычу для зверей. Не разобрать.

Константин долго смотрел на фиолетовый лист, и в его груди росло нехорошее предчувствие. Лес менялся. Мир менялся. И чем дальше они уходили от «Кедрового лога», тем более чуждым и враждебным он становился.

— Запоминайте, — сказал он, кивая на растение. — Отныне мы не знаем, что здесь опасно, а что нет. Егор, веди нас аккуратнее.

Где-то вдалеке, за пеленой тумана и горького дыма угасающего костра, ухнула неизвестная птица. А может, и не птица.

Путь на юг только начинался. Тень ускользала, горизонт

манил, а новый, ещё более дикий мир готовился показать им своё истинное лицо.

Глава 2. Язык руин

«В этом мире выживает не самый сильный, а самый внимательный».

К исходу пятого дня пути лес начал меняться. Это не было резкой переменой — скорее, медленным, почти незаметным перерождением, которое можно уловить лишь краем сознания. Сначала Егор заметил, что смолкли птицы. Не просто притихли, а исчезли вовсе. Затем Кирилл, шедший замыкающим, обратил внимание, что подлесок стал реже, а земля под ногами — более сухой и потрескавшейся, словно здесь давно не было дождей.

Но самым тревожным знаком был туман. Он напознал с низин не в предрассветный час, как положено, а среди бела дня — жёлтый, густой, пахнувший не сыростью, а чем-то едким, напоминающим серу.

— Стой, — тихо скомандовал Константин, когда туман начал облизывать стволы деревьев впереди.

Отряд замер. Пять человек, пять пар глаз, вглядывающих-

ся в молочную пелену. Алиса бесшумно переместилась к нему, её плечо коснулось его руки. Она ничего не сказала, но он почувствовал её напряжение. Она тоже чуяла опасность, чуяла звериным, безошибочным нюхом.

— Это не простой туман, — прошептал Егор, присаживаясь на корточки и разглядывая границу между чистой землёй и наползающей дымкой. — Смотрите.

Он указал на стебель какого-то растения у самой кромки. Там, где туман коснулся его, листья начали скручиваться и чернеть, словно их опалило невидимым пламенем.

— Кислотный, — выдохнул Кирилл, и его голос дрогнул. — Чёрт... Откуда?

— Йеллоустоун. Сернистые газы, — ответил Константин. — Я слышал о таком. В низинах, где нет ветра, они скапливаются и могут висеть неделями. Оседая, выжигают всё живое.

Мирон, молчаливый великан из «Заречного», переложил топор из-за пояса в руку. Это был его единственный комментарий — красноречивее любых слов.

— Обходим, — приказал Константин. — Егор, ищи путь

наверх. На возвышенность. Там воздух чище.

Следопыт кивнул и исчез в кустах. Они ждали его в напряжённом молчании, вслушиваясь в звуки леса. Звуков почти не было — только шорох осыпающейся хвои да где-то далеко-далеко низкий, утробный гул. То ли ветер в расщелинах, то ли что-то совсем иное.

Алиса взяла Константина за руку. Её пальцы, обычно тёплые и сильные, сейчас были прохладными. Он сжал их в ответ, чувствуя, как через это простое прикосновение между ними проходит волна взаимной поддержки. Им не нужны были слова. Они давно научились говорить без них.

Егор вернулся через полчаса, запыхавшийся, но довольный.

— Нашёл тропу. Старая дорога, ещё до катастрофы. Ведёт на холм, а там, кажется, что-то есть.

— Что именно? — спросила Алиса.

— Здание. Каменное. Не наш дом, конечно, но на ночлег сгодится.

Старая дорога была почти полностью поглощена лесом. Асфальт потрескался, и сквозь него пробивались молодые,

но уже крепкие сосны. Идти было трудно — корни цеплялись за ноги, словно пытаясь удержать путников, не пустить их дальше. Туман отступил, как только они начали подъём, и к середине дня отряд вышел на открытое плато.

Здание, о котором говорил Егор, оказалось старой церковью. Небольшой, приземистой, сложенной из дикого камня. Крыша местами обвалилась, но стены стояли крепко. Вокруг царило запустение: заросшее кладбище с покосившимися крестами, остов колокольни без колокола. Но было в этом месте и что-то странно мирное, защищённое от хаоса нового мира.

Константин дал знак остановиться. Они вошли внутрь осторожно, держа оружие наизготовку. Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё — сладковатым и пряным, как ладан. Через пролом в крыше лился солнечный свет, и в его лучах танцевали пылинки.

— Чисто, — объявила Алиса, закончив осмотр боковых приделов. — Ни «потерянных», ни следов людей. Только... — она запнулась. — ...только это.

На алтаре, покрытом слоем пыли, лежала книга. Большая, в потрескавшемся кожаном переплёте. Константин подошёл и осторожно открыл её. Это была библия, но не со-

всем обычная. На полях, между строк, кто-то исписал все страницы мелким, убористым почерком. Записи были хаотичными: обрывки фраз, координаты, зарисовки растений и животных... и даты. Последняя запись была сделана около года назад.

— «Они идут на юг», — прочитал Константин вслух одну из строк. — «Великая вода отравлена, кроме одного моря. Ищите Каспий».

Он переглянулся с Алисой. В её глазах он увидел то же, что чувствовал сам: холодок открытия. Это было не просто послание. Это был ключ. Ключ к тому, что случилось с миром и куда ушли те, кто ещё мог уйти.

— Каспий, — прошептала она. — Это море, Костя. Живое море.

Он кивнул, но ничего не ответил. Вместо этого он аккуратно вырвал страницу с последними записями и спрятал её в нагрудный карман. Книгу он вернул на алтарь.

— Зачем ты оставил её? — спросил Кирилл.

— Потому что мы не последние, кто пройдёт этим путём, — ответил Константин. — Пусть другие тоже найдут.

Ночь в старой церкви выдалась холодной. Костер разводять не стали — дым мог привлечь ненужное внимание, — но Мирон нашёл где-то в подвале старую, чудом сохранившуюся жаровню, и теперь угли в ней давали достаточно тепла, чтобы согреть уставшие тела.

Кирилл и Егор спали на лавках, завернувшись в плащи. Мирон сидел у входа, вызвавшись дежурить первым, и его массивная фигура чернела на фоне звёздного неба, пробивающегося сквозь пролом в стене.

Алиса и Константин устроились в углу, на старой, но ещё крепкой деревянной скамье, которую они застелили лапником и плащом. Она лежала, положив голову ему на грудь, а он сидел, прислонившись спиной к холодной каменной стене, и медленно перебирал пряди её волос.

Она не спала. Он тоже. Тишина между ними была наполнена невысказанными словами, которые копились весь день и теперь просились наружу.

— О чём думаешь? — прошептала она, водя пальцем по шраму на его предплечье — старому, ещё с первой зимы в

лесу.

— О том, что мы нашли сегодня, — ответил он так же тихо. — Об этом... Каспии. О живом море.

— Ты веришь?

— Не знаю, — он помолчал. — Но я хочу верить. Хочу верить, что где-то есть место, где вода всё ещё синяя, а не чёрная от пепла. Где можно плыть, и вода будет держать тебя.

Она подняла голову и посмотрела на него. В тусклом свете углей её изумрудные глаза казались бездонными.

— Ты запомнил, — прошептала она. — Мои слова. Тогда, после охоты на кабана... Я сказала, что мечтаю о море.

— Я запоминаю всё, что ты говоришь, — он коснулся её щеки, провёл большим пальцем по скуле, стирая несуществующую слезинку. — Каждое слово. Каждую твою улыбку. Каждый раз, когда ты смотришь на меня так, как сейчас.

Она потянулась к нему и поцеловала. Медленно, нежно, не так, как целовала после боя — с жадной и яростью, — а так, как целуют любимых, зная, что впереди целая вечность.

Или, может быть, всего одна ночь.

— Ты изменился, Константин, — сказала она, оторвавшись от его губ. — Раньше ты говорил только о стенах и патронах.

— Раньше у меня не было тебя, — просто ответил он. — Ты научила меня мечтать. Это страшно, Алиса.

— Почему?

— Потому что мечты можно разбить. Стены — сложнее. К стенам я привык. А с мечтами... с мечтами я чувствую себя уязвимым.

Она улыбнулась своей фирменной, дерзкой улыбкой, но в ней была и бесконечная нежность.

— Это и значит быть живым, Седой. Быть уязвимым. Доверять кому-то настолько, чтобы позволить себе мечтать вместе.

Он прижал её к себе крепче. Она уткнулась носом в изгиб его шеи, и её дыхание согрело его лучше любого костра.

— Тогда давай мечтать вместе, — прошептал он в её во-

лосы. — О доме. О море. О мире, где Юля будет бегать босиком по траве и не бояться ничего.

— И о чашке кофе на веранде, — добавила она с улыбкой.

— И о кофе, — согласился он. — Обязательно о кофе.

Они замолчали. Тишина старой церкви укутала их, словно одеялом. За стенами выл ветер, где-то в лесу кричала неизвестная тварь, но здесь, внутри, был их собственный мир. Маленький островок покоя, который они вырвали у хаоса.

Утром, когда солнце только начало золотить рваные тучи над горизонтом, Алиса проснулась первой. Константин всё ещё спал — впервые за долгое время по-настоящему, глубоко, без привычной складки напряжения между бровями.

Она позволила себе несколько минут просто смотреть на него. На его лицо, иссечённое шрамами и ветрами. На седые пряди, за которые его прозвали Седым. На губы, которые ночью шептали ей слова, от которых её сердце таяло, словно воск.

«Я способна на всё ради любви к тебе», — мысленно повторила она свою клятву.

И в это утро эти слова значили больше, чем когда-либо.

Глава 3. Зубы и шипы

«В этом мире выживает не самый сильный, а самый внимательный».

Церковь они покинули на рассвете, оставив на алтаре, рядом с библией, одну из немногих запасных обойм — плату за ночлег неведомому хозяину или просто дань уважения мёртвому месту. Константин не был суеверен, но в этом новом мире жесты значили больше слов, а слова — больше пуль.

Тропа, которую нашёл Егор, вела их всё дальше на юг. Лес здесь был другим — древним, нетронутым даже до катастрофы. Стволы сосен вздымались на невысказанную высоту, и кроны их смыкались где-то в вышине, образуя почти сплошной свод, сквозь который лишь изредка пробивались лучи солнца. Внизу царил вечнозелёный полумрак, и каждый шаг отдавался гулким эхом, словно они шли не по мягкой хвое, а по сводам подземного собора.

Первым тревогу почувствовал Егор. Он остановился так резко, что Кирилл, шедший за ним, едва не налетел на его спину.

— Тихо, — прошептал следопыт, поднимая руку.

Все замерли.

Поначалу Константин не услышал ничего. Только ветер в кронах, только далёкий стук дятла где-то в глубине леса. А потом этот звук. Низкий, вибрирующий гул, похожий на пчелиный рой, но глубже, тяжелее. Звук шёл откуда-то слева, из-за плотной стены кустарника.

Алиса бесшумно переместилась к нему, её рука легла на рукоять ножа.

— Что это? — одними губами спросила она.

Константин покачал головой. Он не знал. И это было хуже всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.